

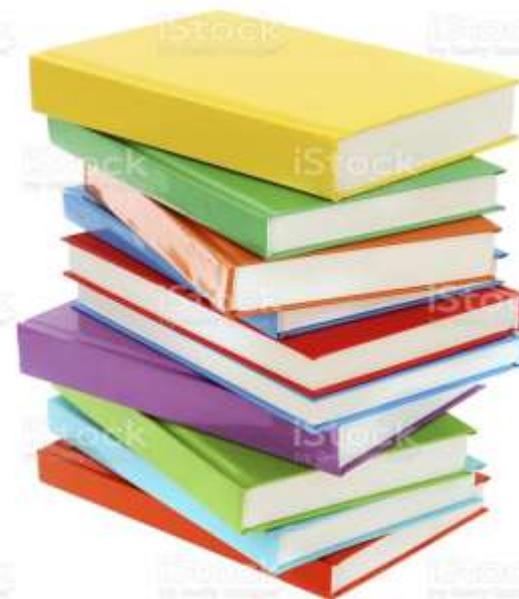
ПОДБОРКА ТЕКСТОВ ДЛЯ КОНКУРСА ЧТЕЦОВ «ЖИВАЯ КЛАССИКА»

Выполнила :

библиотекарь

Софиева Анжела Робиковна

2021 год

А. ФАДЕЕВ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» (РОМАН) МОНОЛОГ ОЛЕГА КОШЕВОГО

"... Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете. За лето их всегда покрывал загар, он уже не отходил и зимой, - он был такой нежный, ровный, только чуть-чуть темнее на жилочках. А может быть, они были и грубее, руки твои, - ведь им столько выпало работы в жизни, - но они всегда казались мне такими нежными, и я так любил целовать их прямо в темные жилочки.

Да, с того самого мгновения, как я стал сознавать себя, и до последней минуты, когда ты в изнеможении, тихо в последний раз положила мне голову на грудь, провожая в тяжелый путь жизни, я всегда помню руки твои в работе. Я помню, как они сновали в мыльной пене, стирая мои простынки, когда эти простынки были еще так малы, что походили на пеленки, и помню, как ты в тулупчике, зимой, несла ведра на коромысле, положив спереди на коромысло маленькую ручку в рукавичке, сама такая маленькая и пушистая, как рукавичка. Я вижу твои с чуть утолщенными суставами пальцы на букваре, и я повторяю за тобой: "бе-а - ба, ба-ба". Я вижу как сильной рукой своею ты подводишь серп под жито, сломленное жменью другой руки, прямо на серп, вижу неуловимое сверкание серпа и потом это мгновенное плавное, такое женственное движение рук и серпа, откидывающее колосья в пучке так, чтобы не поломать сжатых стеблей.

Я помню твои руки, нестибающиеся, красные, залубеневшие от студеной воды в проруби, где ты полоскала белье, когда мы жили одни, - казалось, совсем одни на свете, - и помню, как незаметно могли руки твои вынуть занозу из пальца у сына и как они мгновенно продевали нитку в иголку, когда ты шила и пела - пела только для себя и для меня. Потому что нет ничего на свете, чего бы не сумели руки твои, что было бы им не под силу, чего бы они погнушались!

А. ФАДЕЕВ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» (РОМАН) МОНОЛОГ ОЛЕГА КОШЕВОГО

Я видел, как они месили глину с коровьим пометом,
чтобы обмазать хату, и я видел руку твою, выглядывающую из шелка, с кольцом на
пальце, когда ты подняла стакан с красным молдаванским вином.

А с какой покорной нежностью полная и белая выше локтя рука твоя обвилась вокруг шеи отчима, когда
он, играя с тобой, поднял тебя на руки, - отчим, которого ты научила любить меня и которого
я чтил, как родного, уже за одно то, что ты любила его.

Но больше всего, на веки вечные запомнил я, как нежно гладили они, руки твои, чуть
шершавые и такие теплые и прохладные, как они гладили мои волосы, и шею, и грудь,
когда я в полусознании лежал в постели. И, когда бы я ни открыл глаза, ты была всегда
возле меня, и ночник горел в комнате, и ты глядела на меня своими запавшими очами,
будто из тьмы, сама вся тихая и светлая, будто в ризах. Я целую чистые, святые руки
твои!

Ты проводила на войну сыновей, - если не ты, так другая, такая же, как ты, - иных ты
уже не дождешься вовеки, а если эта чаша миновала тебя, так она не миновала другую,
такую же, как ты. Но если и в дни войны у людей есть кусок хлеба и есть одежда на теле,
и если стоят скирды на поле, и бегут по рельсам поезда, и вишни цветут в саду, и пламя
бушует в домне, и чья-то незримая сила подымает воина с земли или с постели, когда он
заболел или ранен, - все это сделали руки матери моей - моей, и его, и его. Оглянись же и
ты, юноша, мой друг, оглянись, как я, и скажи, кого ты обижал в жизни больше, чем мать,
- не от меня ли, не от тебя, не от него, не от наших ли неудач, ошибок и не от нашего ли
горя седеют наши матери? А ведь придет час, когда мучительным упреком сердцу
обернется все это у материнской могилы.

Мама, мама!. Прости меня, потому что ты одна, только ты одна на свете можешь
прощать, положи на голову руки, как в детстве, и прости..."

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ЕВРЕЙСКОЙ МАТЕРИ

- «Витенька... Это письмо нелегко оборвать, оно — мой последний разговор с
- тобой, и, переправив письмо, я окончательно уйду от тебя, ты уж никогда не узнаешь о
- последних моих часах. Это наше самое последнее расставание. Что скажу я тебе,
- прощаясь, перед вечной разлукой? В эти дни, как и всю жизнь, ты был моей радостью. По
- ночам я вспоминала тебя, твою детскую одежду, твои первые книжки, вспоминала твоё
- первое письмо, первый школьный день. Всё, всё вспоминала от первых дней твоей жизни
- до последней весточки от тебя, телеграммы, полученной 30 июня. Я закрывала глаза, и
- мне казалось — ты заслонил меня от надвигающегося ужаса, мой друг. А когда я
- вспоминала, что происходит вокруг, я радовалась, что ты не возле меня — пусть ужасная
- судьба минет тебя.
- Витя, я всегда была одинока. В бессонные ночи я плакала от тоски. Ведь никто не
- знал этого. Моим утешением была мысль о том, что я расскажу тебе о своей жизни.
- Расскажу, почему мы разошлись с твоим папой, почему такие долгие годы я жила одна. И
- я часто думала, — как Витя удивится, узнав, что мама его делала ошибки, безумствовала,
- ревновала, что её ревновали, была такой, как все молодые. Но моя судьба — закончить
- жизнь одиноко, не поделившись с тобой. Иногда мне казалось, что я не должна жить
- вдали от тебя, слишком я тебя любила. Думала, что любовь даёт мне право быть с тобой
- на старости. Иногда мне казалось, что я не должна жить вместе с тобой, слишком я тебя
- любила.
- Ну, enfin... Будь всегда счастлив с теми, кого ты любишь, кто окружает тебя, кто
- стал для тебя ближе матери. Прости меня. С улицы слышен плач женщин, ругань
- полицейских, а я смотрю на эти страницы, и мне кажется, что я защищена от страшного
- мира, полного страдания. Как закончить мне письмо? Где взять силы, сынок? Есть ли
- человеческие слова, способные выразить мою любовь к тебе?
- Целую тебя, твои глаза, твой лоб, волосы. Помни, что всегда в дни счастья и в
- день горя материнская любовь с тобой, её никто не в силах убить.
- Витенька... Вот и последняя строка последнего маминого письма к тебе. Живи,
- живи, живи вечно...

Мама

ЮРИЙ КРАСАВИН

«РУССКИЕ СНЕГА» (ПОВЕСТЬ)

- Это был странный снегопад: на небосклоне, где быть солнцу, светило размытое пятно. Неужели там, высоко вверху, ясное небо? Откуда же тогда снег? Белая тьма кругом. И дорога, и лежащее дерево исчезли за снежной пеленой, едва от них удалились на десяток шагов. Просёлочек, уходящий в сторону от большака, от деревни Ергушово, едва угадывался под снегом, который толстым слоем покрывал и её, и то, что справа и слева, а придорожные кусты являли собой диковинные фигуры, некоторые из них имели устрашающий вид.
- Теперь-то Катя шла, не отставая: боялась потеряться.
- — Ты чего, как собачка на поводке? — сказал он ей через плечо. — Иди рядом.
- Она ему в ответ:
- — Собака всегда бежит впереди хозяина.
- — Грубишь, — заметил он и прибавил шагу, пошёл так быстро, что она уже поскуливала жалобно:
- — Ну, Дементий, не сердись... Этак я отстану и потеряюсь. А ты за меня в ответе перед Богом и людьми. Слышь, Дементий!
- — Иван-царевич, — поправил он и сбавил шаг.
- Временами ему казалось, что впереди маячит человеческая фигура, залепленная снегом, или даже две. То и дело неясные голоса долетали, но не понять было, кто говорит и что говорят. Наличие этих путников впереди немного успокаивало: значит, верно угадывает дорогу. Впрочем, голоса слышались и откуда-то сбоку, и даже сверху — снег, что ли, разнимал чей-то разговор на части и разносил по сторонам?

ЮРИЙ КРАСАВИН

«РУССКИЕ СНЕГА» (ПОВЕСТЬ)

- — Где-то рядом попутчики, — сказала Катя насторожённо.
- — Это бесы, — пояснил Ваня. — Они всегда в эту пору... у них теперь самый лёт.
- — Почему именно теперь?
- — Вишь, какая замять! А тут мы с тобой... Их хлебом не корми, дай только поводить людей, чтоб заблудились, потешиться над нами да и погубить.
- — Ой, да ну тебя! Чего пугаешь!
- — Мчатся бесы, вьются бесы, невидимкою луна...
- — У нас даже луны нет.
- В полном безмолвии падали и падали снежинки, каждая величиной с головку одуванчика. Снег был настолько невесом, что поднимался даже от того движения воздуха,
- которое производили шагающие ноги двоих путников — поднимался, будто пух, и, клубясь, растекался по сторонам. Невесомость снега внушала обманчивое впечатление, будто всё лишилось своего веса — и земля под ногами, и ты сам. Позади оставались не следы, а борозда, как за плугом, но и она быстро закрывалась.
- Странный снег, очень странный.
- Ветер, если он возникал, был и не ветер даже, а лёгкое веяние, которое время от времени устраивало кутерьму вокруг, отчего окружающий мир уменьшался настолько, что становилось даже тесно. Впечатление такое, будто оно заключены в огромное яйцо, в
- пустую его скорлупу, наполненную рассеянным светом извне — этот свет сгустками, хлопьями падал и поднимался, кружил так и этак...

Лидия ЧАРСКАЯ «ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ» (ПОВЕСТЬ)

- В углу стояла круглая печь, которая постоянно топилась в это время; дверца печки
- сейчас была широко раскрыта, и видно было, как в огне ярко пылала маленькая красная
- книжка, постепенно сворачиваясь в трубочки своими почерневшими и зауглившимися
- листами.
- Боже мой! Красная книжка Японки! Я сразу узнала ее.
- - Жюли! Жюли! - прошептала я в ужасе. - Что ты наделала, Жюли!
- Но Жюли и след простыл.
- - Жюли! Жюли! - отчаянно звала я мою кузину. - Где ты? Ах, Жюли!
- - Что такое? Что случилось? Что вы кричите, как уличный мальчишка! - внезапно
- появляясь на пороге, строго произнесла Японка. - Разве можно так кричать! Что вы тут
- делали в классе одна? Отвечайте сию же минуту! Зачем вы здесь?
- Но я стояла как пришибленная, не зная, что ей ответить. Щеки мои пылали, глаза
- упорно смотрели в пол. Вдруг громкий крик Японки заставил меня разом поднять голову,
- очнуться... Она стояла у печки, привлеченная, должно быть, открытой дверцей, и,
- протягивая руки к ее отверстию, громко стонала:
- - Моя красная книжка, моя бедная книжка! Подарок покойной сестры Софи! О, какое
- горе! Какое ужасное горе! И,
- опустившись на колени перед дверцей, она зарыдала, схватившись за голову обеими
- руками. Мне было бесконечно жаль бедную Японку. Я сама готова была заплакать вместе с
- нею. Тихими, осторожными шагами подошла я к ней и, легонько коснувшись ее руки
- своею, прошептала:

Лидия ЧАРСКАЯ «ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ» (ПОВЕСТЬ)

- - Если б вы знали, как мне жаль, мадемуазель, что... что... я так раскаиваюсь...
- Я хотела закончить фразу и сказать, как я раскаиваюсь, что не побежала следом за
- Жюли и не остановила ее, но я не успела выговорить этого, так как в ту же минуту Японка,
- как раненый зверь, подскочила с полу и, схватив меня за плечи, стала трясти изо всех сил.
- Ага, раскаиваетесь! Теперь раскаиваетесь, ага! А сама что наделала! Сжечь мою
- книжку! Мою ни в чем не повинную книжку, единственную память моей дорогой Софи!
- Она, наверное бы, ударила меня, если бы в эту минуту девочки не вбежали в класс и не
- обступили нас со всех сторон, расспрашивая, в чем дело. Японка грубо схватила меня за
- руку, вытащила на середину класса и, грозно потрясая пальцем над моей головой,
- прокричала во весь голос:
 - Она украла у меня маленькую красную книжку, которую мне подарила покойная
- сестра и по которой я вам делала немецкие диктанты. Она должна быть наказана! Она -
- воровка!
- Боже мой! Что это? Поверх черного передника, между воротом и талией, большой
- белый лист бумаги болтается у меня на груди, прикрепленный булавкой. А на листе
- выведено четким крупным почерком: /"Она воровка! Сторонитесь ее!" Это было не под
- силу вынести и без того немало пострадавшей маленькой сиротке! Сказать сию же
- минуту, что не я, а Жюли виновата в гибели красной книжки! Одна Жюли! Да, да, сейчас
- же, во что бы то ни стало! И взгляд мой отыскал горбунью в толпе прочих девочек. Она
- смотрела на меня. И что за глаза у нее были в эту минуту! Жалобные, просящие, молящие!..
- Печальные глаза. Какая тоска и ужас глядели из них!
- "Нет! Нет! Ты можешь успокоиться, Жюли! - мысленно произнесла я. - Я не выдам
- тебя. Ведь у тебя есть мама, которой будет грустно и больно за твой поступок, а у меня моя
- мамочка на небесах и отлично видит, что я не виновата ни в чем. Здесь же, на земле, никто
- не примет так близко к сердцу мой поступок, как примут твой! Нет, нет, я не выдам тебя,
- ни за что, ни за что!"

ВЕНИАМИН КАВЕРИН

"ДВА КАПИТАНА" (РОМАН)

"На груди, в боковом кармашке лежало письмо капитана Татаринова.

- – Послушай, Катя, – сказал я решительно, – я хочу рассказать тебе одну историю. В
- общем, так: представь, что ты живешь на берегу реки и в один прекрасный день на этом
- берегу появляется почтовая сумка. Конечно, она падает не с неба, а ее выносит водой.
- Утонул почтальон! И вот эта сумка попадает в руки одной женщины, которая очень любит
- читать. А среди ее соседей есть мальчик, лет восьми, который очень любит слушать. И вот
- однажды она читает ему такое письмо: «Глубокоуважаемая Мария Васильевна...»
- Катя вздрогнула и посмотрела на меня с изумлением
- – «...Спешу сообщить вам, что Иван Львович жив и здоров, – продолжал я быстро. –
- Четыре месяца тому назад я, согласно его предписаниям...»
- И я, не переводя дыхания, прочитал письмо штурмана наизусть. Я не останавливался,
- хотя Катя несколько раз брала меня за рукав с каким-то ужасом и удивлением.
- – Ты видел это письмо? – спросила она и побледнела. – Он пишет об отце? – снова
- спросила она, как будто в этом могло быть какое-нибудь сомнение.
- – Да. Но это еще не все!
- И я рассказал ей о том, как тетя Даша однажды наткнулась на другое письмо, в котором
- говорилось о жизни корабля, затертого льдами и медленнодвигающегося на север.
- – «Друг мой, дорогая моя, родная Машенька...» – начал я наизусть и остановился.
- Мурашки пробежали у меня по спине, горло перехватило, и я вдруг увидел перед собой,
- как во сне, мрачное, постаревшее лицо Марьи Васильевны, с мрачными, исподлобья,
- глазами. Она была вроде Кати, когда он писал ей это письмо, а Катя была маленькой
- девочкой, которая все дожидалась «письма от папы». Дождалась, наконец!

ВЕНИАМИН КАВЕРИН

"ДВА КАПИТАНА" (РОМАН)

- – Словом, вот, – сказал я и вынул из бокового кармана письма в компрессной бумаге. –
- Садись и читай, а я пойду. Я вернусь, когда ты прочитаешь.
- Разумеется, я никуда не ушел. Я стоял под башней старца Мартына и смотрел на Катю
- все время, пока она читала. Мне было очень жаль ее, и в груди у меня все время
- становилось тепло, когда я думал о ней, – и холодно, когда я думал, как страшно ей читать
- эти письма.
- Я видел, как бессознательным движением она поправила волосы, мешавшие ей читать,
- и как встала со скамейки как будто для того, чтобы разобрать трудное слово. Я прежде не
- знал – горе или радость получить такое письмо. Но теперь, глядя на нее, понял, что это –
- страшное горе!
- Я понял, что она никогда не теряла надежды! Тринадцать лет тому назад ее отец пропал
- без вести в полярных льдах, где нет ничего проще, как умереть от голода и от холода. Но
- для нее он умер только сейчас!

ВЛАДИМИР ЖЕЛЕЗНИКОВ «ТРИ ВЕТКИ МИМОЗЫ» (РАССКАЗ)

- Утром в хрустальной вазе на столе Витя увидел огромный букет мимозы. Цветы были
- такие жёлтые и свежие, как первый тёплый день!
- – Это мне папа подарил, – сказала мама. – Ведь сегодня Восьмое марта.
- Действительно, сегодня Восьмое марта, а он совсем забыл об этом. Он немедленно
- побежал к себе в комнату, схватил портфель, вытащил открытку, в которой было
- написано: «Дорогая мамочка, поздравляю тебя с Восьмым марта и обещаю всегда тебя
- слушаться», и торжественно вручил её маме. А когда он уже уходил в школу, мама вдруг
- предложила:
- – Возьми несколько веточек мимозы и подари Лене Поповой.
- Лена Попова была его соседкой по парте.
- – Зачем? – хмуро спросил он.
- – А затем, что сегодня Восьмое марта, и я уверена, что все ваши мальчики что-нибудь
- подарят девочкам.
- Он взял три веточки мимозы и пошёл в школу. По дороге ему казалось, что все на него
- оглядываются. Но у самой школы ему повезло: он встретил Лену Попову. Подбежав к ней,
- протянул мимозу.
- – Это тебе.
- – Мне? Ой, как красиво! Большое спасибо, Витя!
- Она, казалось, готова была благодарить его ещё час, но он повернулся и убежал. И на
- первой перемене оказалось, что никто из мальчиков в их классе ничего не подарил
- девочкам. Ни один. Только перед Леной Поповой лежали нежные веточки мимозы.
- – Откуда у тебя цветы? – спросила учительница.

ВЛАДИМИР ЖЕЛЕЗНИКОВ «ТРИ ВЕТКИ МИМОЗЫ» (РАССКАЗ)

- – Это мне Витя подарил, – спокойно сказала Лена. Все сразу зашушукались, посмотрев на Витю, а Витя низко опустил голову.
- А на перемене, когда Витя как ни в чём не бывало подошёл к ребятам, хотя уже чувствовал недоброе, Валерка стал кривляться, глядя на него.
- – А вот и жених пришёл! Здорово, юный жених!
- – А вот и жених пришёл! Здорово, юный жених!
- Ребята засмеялись. А тут проходили мимо старшеклассники, и все на него смотрели и спрашивали, чей он жених. Еле досидев до конца уроков, он, как только прозвенел звонок, со всех ног бросился домой, чтобы там, дома, сорвать свою досаду и обиду.
- Когда мама открыла ему дверь, он закричал:
- – Это ты, это ты виновата, это всё из-за тебя!
- Витя вбежал в комнату, схватил веточки мимозы и бросил их на пол.
- – Ненавижу эти цветы, ненавижу!
- Он стал топтать ветки мимозы ногами, и жёлтые нежные цветочки лопались и умирали под грубой подметкой его ботинок.
- А Лена Попова несла домой три нежные веточки мимозы в мокрой тряпочке, чтобы они не завяли. Она несла их впереди себя, и ей казалось, что в них отражается солнце, что они такие красивые, такие особенные...

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ «СЕРДЦЕ ЗЕМЛИ» (РАССКАЗ)

- Дети никогда не запоминают мать молодой, красивой, потому что понимание
- красоты приходит позже, когда материнская красота успевает увянуть.
- Я запомнил свою мать седой и усталой, а говорят, она была красива. Большие
- задумчивые глаза, в которых проступал свет сердца. Ровные тёмные брови, длинные
- ресницы. На высокий лоб спадали дымчатые волосы. До сих пор слышу её негромкий
- голос, неторопливые шаги, ощущаю бережное прикосновение рук, шершавое тепло платья
- на её плече. Это не имеет отношения к возрасту, это вечно.
- Дети никогда не говорят матери о своей любви к ней. Они даже не знают, как
- называется чувство, которое всё сильнее привязывает их к матери. В их понимании это
- вообще не чувство, а что-то естественное и обязательное, как дыхание, утоление жажды.
- Но в любви ребёнка к матери есть свои золотые дни. Я пережил их в раннем возрасте,
- когда впервые осознал, что самый необходимый человек на свете – мама. Память не
- сохранила почти никаких подробностей тех далёких дней, но я знаю об этом своём
- чувстве, потому что оно до сих пор теплится во мне, не развеялось по свету. И я берегу
- его, потому что без любви к матери в сердце – холодная пустота.
- Я никогда не называл свою мать матерью, мамой. У меня для неё было другое слово –
- мамочка. Даже став большим, я не мог изменить этому слову. У меня отросли усы,
- появился бас. Я стеснялся этого слова и на людях произносил его чуть слышно.
- Последний раз я произнёс его на мокрой от дождя платформе, у красной солдатской
- теплушки, в давке, под звуки тревожных гудков паровоза, под громкую команду «по
- вагонам!». Я не знал, что навсегда прощаюсь с матерью. Я шептал «мамочка» ей на ухо и,
- чтобы никто не видел моих мужских слёз, вытирал их о её волосы... Но когда теплушка
- тронулась, не выдержал, забыл, что я мужчина, солдат, забыл, что вокруг люди,
- множество людей, и сквозь грохот колёс, сквозь бьющий в глаза ветер закричал:

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ «СЕРДЦЕ ЗЕМЛИ» (РАССКАЗ)

- –Мамочка!
- А потом были письма. И было у писем из дома одно необычайное свойство, которое
- каждый открывал для себя и никому не признавался в своём открытии. В самые трудные
- минуты, когда казалось, что всё кончено или кончится в следующее мгновение и нет уже
- ни одной зацепки за жизнь, мы находили в письмах из дома неприкосновенный запас
- жизни. Когда от мамы приходило письмо, не было ни бумаги, ни конверта с номером
- полевой почты, ни строчек. Был только мамин голос, который я слышал даже в грохоте
- орудий, и дым землянки касался щеки, как дым родного дома.
- Под Новый год мама подробно рассказывала в письме о ёлке. Оказывается, в шкафу
- случайно нашлись ёлочные свечи, короткие, разноцветные, похожие на отточенные
- цветные карандаши. Их зажгли, и с еловых веток по комнате разлился ни с чем не
- сравнимый аромат стеарина и хвои. В комнате было темно, и только весёлые блуждающие
- огоньки замирали и разгорались, и тускло мерцали золочёные грецкие орехи.
- Потом оказалось, что всё это было легендой, которую умирающая мама сочинила для
- меня в ледяном доме, где все стёкла были выбиты взрывной волной, а печки были мертвы
- и люди умирали от голода, холода и осколков. И она писала, из ледяного блокадного
- города посылая мне последние капли своего тепла, последние кровинки.
- А я поверил легенде. Держался за неё—за свой неприкосновенный запас, за свою
- резервную жизнь. Был слишком молод, чтобы читать между строк. Я читал сами строки,
- не замечая, что буквы кривые, потому что их выводила рука, лишённая сил, для которой
- перо было тяжёлым, как топор. Мать писала эти письма, пока билось сердце...

ЖЕЛЕЗНИКОВ «СОБАКИ НЕ ОШИБАЮТСЯ» (РАССКАЗ)

- У Юры Хлопотова была самая большая и интересная коллекция марок в классе. Из-за этой
- коллекции и отправился Валерка Снегирёв к своему однокласснику в гости. Когда Юра
- начал вытаскивать из массивного письменного стола огромные и почему-то пыльные
- альбомы, прямо над головами мальчишек раздался протяжный и жалобный вой...
- – Не обращай внимания! – махнул рукой Юрка, сосредоточенно ворочая альбомы. –
- Собака у соседа!
- – Почему же она воеет?
- – Откуда я знаю. Она каждый день воеет. До пяти часов.
- В пять перестаёт. Мой папа говорит: если не умеешь ухаживать, не заводи собак...
- Взглянув на часы и махнув рукой Юре, Валерка в прихожей торопливо намотал шарф,
- надел пальто. Выбежав на улицу, перевёл дух и нашёл на фасаде дома Юркины окна. Три
- окна на девятом этаже над квартирой Хлопотовых были неуютно темны.
- Валерка, прислонившись плечом к холодному бетону фонарного столба, решил ждать,
- сколько понадобится. И вот крайнее из окон тускло засветилось: включили свет, видимо, в
- Прихожей...
- Дверь открылась сразу, но Валерка даже не успел увидеть, кто стоял на пороге, потому
- что откуда-то вдруг выскочил маленький коричневый клубок и, радостно визжа, бросился
- Валерке под ноги.
- Дверь открылась сразу, но Валерка даже не успел увидеть, кто стоял на пороге, потому
- что откуда-то вдруг выскочил маленький коричневый клубок и, радостно визжа, бросился
- Валерке под ноги.

ЖЕЛЕЗНИКОВ «СОБАКИ НЕ ОШИБАЮТСЯ» (РАССКАЗ)

- – Чудеса! – раздался густой, сразу заполнивший всё пространство лестничной клетки голос. Голос принадлежал щуплому невысокому человеку.
- – Ты ко мне? Странное, понимаешь, дело... Янка с чужими... не особенно любезна. А к тебе – вон как! Заходи.
- – Я на минутку, по делу.
- Человек сразу стал серьёзным.
- – По делу? Слушаю.
- – Собака ваша... Яна... Воеет целыми днями.
- Человек погрузнел.
- – Так... Мешает, значит. Тебя родители прислали?
- – Я просто хотел узнать, почему она воеет. Ей плохо, да?
- – Ты прав, ей плохо. Янка привыкла днём гулять, а я на работе. Вот приедет моя жена, и всё будет в порядке. Но собаке ведь не объяснишь!
- – Я прихожу из школы в два часа... Я бы мог гулять с ней после школы!
- Хозяин квартиры странно посмотрел на непрошеного гостя, затем вдруг подошёл к пыльной полке, протянул руку и достал ключ.
- – Держи.
- Пришло время удивляться Валерке.
- – Вы что же, любому незнакомому человеку ключ от квартиры доверяете?
- – Ох, извини, пожалуйста, – мужчина протянул руку. – Давай знакомиться! Молчанов Валерий Алексеевич, инженер.
- – Снегирёв Валерий, ученик 6-го «Б», – с достоинством ответил мальчишка.
- – Очень приятно! Теперь порядок?
- Собаке Яне не хотелось спускаться на пол, а потом она бежала за Валеркой до самой двери.
- – Собаки не ошибаются, не ошибаются... – бурчал себе под нос инженер Молчанов.

Дорогие ребята!

*Вы можете получить готовые
тексты у библиотекаря.*

Живая классика
международный конкурс юных читателей

